

Александр Мурзин

Невесомые связи

Александр Мурзин

Невесомые связи

«Автор»
2026

Мурзин А. О.

Невесомые связи / А. О. Мурзин — «Автор», 2026

В книжном магазине студент Артём открывает самиздат и замирает: в одном абзаце описан его сон прошлой ночи. Он выкладывает фото страницы в сеть, и оказывается, что таких читателей десятки.Физик Олег, журналистка Кира, математик Игорь и эзотерик Лена начинают считать совпадения, а потом ловить их на приборах, пока не находят в институтском архиве то, чего там быть не должно. Сигнал приходит раньше вопроса. Кто-то пишет им из ниоткуда: «Вы на верном пути». Старая лаборантка вспоминает ночь, когда ей ответили. А на листке, сложенном вчетверо, записан вопрос, который герои зададут только через неделю.Это не про чудеса и не про страх. Это история о тишине, дружбе, внимании и тонких нитях связей между людьми знакомыми и незнакомыми, которые соединяют людей и, возможно, времена.

© Мурзин А. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот самый абзац 7
Книжный магазин 7
Три города, один вечер 8
Пост 10
Глава 2. Охота на автора 11
Таблица 11
Тираж «Перекрёстка» 12
«Чайная ложка» 13
Третий этаж 14
Узел_01 15
Пятеро 16
Глава 3. Перевод метафор на язык науки 17
Ночной собеседник 17
Кухня с зелёной лампой 18
Тишина с подключёнными проводами 19
Один тест 20
Лестница 21
Сообщение 22
Глава 4. Сигналов слишком много 23
Золотой горох 23
Три корзины 24
Булавки 25
Неделя скучной работы 26
Решение 27
Глава 5. Разбор и систематизация 28
Холм 28
Всплеск, которого никто не чувствовал 29
Раскладка 30
Третий час ночи 31
Утро 32
Глава 6. Другая ветка 33
Знакомое лицо в цифрах 33
Борщ и версии 34
Метки 35
Окно 36
Сообщение 37
Лайки 38
Глава 7. Душа как сигнал 39
Десять минут тишины 39
Души, узлы, нити 40
Подпись 41
Две лестницы 42
Рабочая модель 43
Глава 8. Перемещение между мирами 44
Станция 44
Эхо 45

Путешествующий узор 46
Вечер за кашей 47
Подвал 48
Крыша 49
Глава 9. Что мы открыли 50
Доска 50
Пять ответов 51
Источник глубже 52
Журнал 53
Глава 10. Третий узел 54
Городок, где рано гаснут окна 54
Сутки тишины 56
Контрольный прогон 57
Глава 11. Он будто ждал 58
Три коротких 58
Проверка, которую никто не любит 59
«Будто ждал» 60
Чай у Нины Ивановны 61
Снег 62
Глава 12. Совпадение без времени 63
Случайный хвост 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Невесомые связи

Книга первая. Мурзион

Глава 1. Тот самый абзац

Книжный магазин

Артём Тимуров зашёл сюда не за книгой. Он зашёл переждать дождь. Вообще-то он шёл в общежитие другой дорогой, но на перекрёстке что-то мягко потянуло его направо, и он, как всегда, не стал спорить. В детстве в Улан-Удэ, когда бабушка водила его в дацан, один пожилой лама посоветовал ему: «Если ноги сами несут тебя, значит, там тебя ждут». Артём помнил фразу, но считал её скорее поэтической, чем практической.

Его вообще часто тянуло в нужную сторону. Такой уж был человек: лёгкий, улыбчивый, за четыре года в Новосибирске обзаведшийся друзьями на каждом факультете и даже в вахтёрской общежития. Ему было интересно всё: физика, философия, буддизм. Его интуицию в общежитии называли невероятным везением, и он соглашался: наверное, просто ему всё нужно и его всё интересует, а такие люди чаще находят нужное.

На нижней полке, между учебником по оптике и сборником задач, стояла тонкая книга в серой обложке. Не то чтобы её прятали, скорее забыли. Бумага чуть шершавая, буквы неровные, название набрано шрифтом, которым никто не пользовался лет двадцать.

«Мурзион. Связь, которая проходит сквозь чёрную дыру».

— Самиздат, — сказал Артём сам себе и усмехнулся. В его мире такие заглавия означали либо гениальность, либо трактат о чае с травами. Чаще, конечно, второе. Но книга была тоньше его конспекта по термодинамике, и он вытащил её от нечего делать. Она открылась почти сама, на середине. Артём пробежал глазами по строкам: что-то о границе между сном и явью, о моменте, когда реальность на долю секунды задерживает дыхание. Он собирался перевернуть страницу и не перевернул.

В абзаце был описан сон. Его сон, тот самый, прошлой ночи, который он никому не рассказывал. Незнакомый человек в тёмном пальто на лестничной площадке говорил негромко, словно между делом: «Это ещё не конец дороги». Стена за его спиной была выкрашена в густой, почти чайный зелёный. И то ощущение, которое нельзя было объяснить, когда время на секунду замерло, будто споткнувшись, чтобы потом, смущённо покашляв, пойти дальше.

Не «что-то похожее», не расплывчатое «людям часто снятся лестницы», а конкретные детали, лежащие на бумаге так бережно, будто автор книги сидел рядом с его подушкой.

Артём почувствовал, как внутри поднимается не страх, а щекотное любопытство, какое бывает у ребёнка, нашедшего в старом шкафу дверцу, которой там раньше не было.

— Совпадение, — произнёс он вслух, и женщина у соседнего стеллажа покосилась на него с вежливым недоумением.

— Извините, — улыбнулся Артём. — Нашёл книгу, которую не искал. Так бывает, правда?

Женщина рассмеялась и признала, что только что то же случилось с поваренной книгой рецептов, и через пять минут они уже обсуждали грибы и дождь. Артём умел так: начать с одной фразы и закончить знакомством.

Он сфотографировал страницу и отправил в закрытый чат, где собирались люди, любившие всё странное: от аномальных явлений до заброшенных старых объектов. Чат назывался «Тихий час»: большинство сообщений там появлялось ближе к ночи.

«Ребят, у кого-нибудь так было?»

Книга стоила двести девяносто рублей. Кассир даже не посмотрел на обложку.

Три города, один вечер

В Москве, в окне кафе, горела настольная лампа, и под её жёлтым кругом Кира Лавренко листала электронную книгу. Она была журналисткой, из тех, что умеют пить кофе, разговаривать по телефону и печатать статью одновременно. Её хвалили за энергию, и она не возражала: энергии было у неё больше, чем терпения, и иногда она бежала вперёд раньше, чем стоило бы. Её мечтой была большая рубрика на хорошем канале, а для рубрики нужны знакомства, и она собирала их тщательно, как собирают коллекцию.

Книгу ей прислали утром без пояснений. Неделю назад, в метро, она ехала домой и вдруг, без причины, подумала о школьном друге, которого не вспоминала лет десять. Дойдя до дома, она включила телефон, и там ждало сообщение от общей знакомой: «Представляешь, видела вчера Серёжу». Мелочь. Но в книге именно такая мелочь была описана: мысль, пришедшая «просто так», и тут же событие, будто ответившее на неё.

Её пальцы уже бежали по экрану. Она напечатала редактору, которого знала только поверхностно: «У меня тема, какой вы ещё не видели», и тут же стёрла, потому что тема пока была не темой, а предчувствием. Доверять предчувствиям она училась медленно и с трудом. Вместо письма она открыла заметки:

«Либо гениальная подстройка, либо кто-то знает слишком много. Узнать, кто издал».

В Новосибирске уже было темно, с первым, ещё несмелым холодом в воздухе. Олег Тарасов возвращался со смены пешком, потому что вечера были лучшее время для прогулок. На плече у него висела небольшая сумка, а в кармане куртки лежал титановый «Сони Сайбер-шот», не последняя модель, зато из тех времён, когда камеры делали инженеры, а не маркетологи. Он носил её с собой повсюду, как носят ключи, и иногда, сам не зная почему, останавливался и делал снимок: мокрый асфальт, жёлтый свет фонаря, одинокий прохожий с зонтом.

Домой он добрался к девяти. Заварил чай, сел за стол и открыл ноутбук, чтобы почитать, о чём пишут на одном научно-популярном форуме. Там, среди обсуждений лазеров, мелькнула ссылка на странную книжку. Он открыл фрагмент, прочитал абзац и нахмурился. Потом достал с полки старый блокнот и пролистал до нужной страницы. Формулировку он помнил: не похожая, а та самая, до запятой.

Тут зазвонил телефон. На экране высветилось: «Сашка». Брат-близнец жил в другом городе, звонили они друг другу не чаще раза в неделю, но как-то так выходило, что каждый раз один набирал номер в тот же миг, когда другой тоже тянулся к телефону.

— Я как раз тебе звонить собирался, — сказал Саша вместо приветствия.

— Бывает, — ответил Олег, как отвечал всегда.

— Это вероятность, Саша, — сказал Олег и усмехнулся. Брат засмеялся в трубку: он не спорил, потому что знал, что спорить с ним бесполезно.

После разговора Олег ещё минуту смотрел на блокнот, потом написал на форуме короткий пост без эмоций, как пишут заявку на оборудование:

«Кто автор? Откуда это?»

Аномалия, рассудил он, это не чудо, а повод внимательно посмотреть, где ты чего-то не знаешь.

А в Казани, в уютной комнате, где на подоконнике росла герань, а на столе лежала стопка таро в шёлковом мешочке, Лена Шарова дочитывала последнюю страницу и закрывала книгу. За стенкой её дочь вслух решала задачу по математике, а на кухне звякали тарелки: семья жила своей жизнью, а она в этот вечер стояла как бы на пороге одной тихой комнаты.

Её знали как женщину, к которой приходят с вопросом, а уходят с чувством, что нужный ответ был у них всё время. Ей было тридцать пять, и жила она по простому правилу: необходимо и достаточно, а всё остальное пусть будет подарком судьбы. Эзотерика была для неё не целью жизни, а очередной ступенью в понимании себя и мира. Карты она раскладывала тысячу раз, но таких точных совпадений в книге она не встречала.

Книгу прислала клиентка, подписав заметку: «Посмотри, это похоже на те сны, что я тебе рассказывала». Автор не убеждал и не обещал, он просто называл вещи. И в одном месте назвал то, что сама она годами носила внутри: то тихое чувство, когда ты вдруг понимаешь, что кто-то, далеко, думает о том же, о чём и ты. Не с громом и молнией, а как знакомые шаги в соседней комнате.

За стенкой дочь дорешала задачу и крикнула: «Мам, у меня сошлось!» Лена откликнулась: «Сейчас, золото моё, посмотрю!» И посмотрела. Но книгу закрыла не до конца: заложила страницу шёлковой закладкой и подумала, что надо бы ещё раз посмотреть.

Пост

Ночью, когда дождь за окном уже стих, Артём всё ещё сидел над книгой на кухне общежития. Первые комментарии были такими, какими обычно бывают первые комментарии: смайлики, «интересно», «а где купить?». Артём отвечал рассеянно, ожидая чего-то другого. И оно появилось, через сорок минут, короткое, без смайлика. Кто-то, чьё имя ничего ему не говорило, написал:

«Я тоже это видел. И это не сон. Это было в реальности».

Артём прочитал строчку, и по спине бежало не холод, а мягкое замирание, будто кто-то провёл пёрышком по шее. Под комментарием стояла ссылка на форум. Он помедлил секунду и нажал.

Страница открылась медленно: серый фон, простой шрифт, наверху единственная строка: *«Совпадения. Записи».* Ниже шли ветки, десятки веток, коротких и честных: *«Мне приснилось, а на следующий день…»*, *«Подумал о ней, и она позвонила…»*. Под каждой записью стояла дата и одна и та же приписка: название той серой книги.

Артём читал до рассвета. В коридоре кто-то шлёпал тапками, где-то далеко пели птицы, а он думал одну и ту же мысль, которая понемногу вытесняла все остальные.

Я не один.

И все эти люди, понял он, читали одну и ту же книгу.

В новосибирской тёмной квартире Олег прочитал ту же ветку в тот же час, как читают отчёт: даты, места, формулировки. В углу блокнота он завёл таблицу, и на десятой строке остановился и положил ручку. Если это аномалия, рассудил он, у неё должна быть природа, а раз есть природа, её можно измерить. А у него, в отличие от большинства людей на этом форуме, был доступ к оборудованию.

Его титановый фотоаппарат лежал рядом на столе, и в тёмном окне отражался свет экрана. На следующей неделе он увидит, что не всё, что люди находят, лежит в новостях и таблицах. Но этот разговор был впереди.

Сейчас он просто закрыл ноутбук и посмотрел в темноту за окном, где над крышами занималась бледная осенняя заря.

— Ну что ж, — сказал он тихо. — Посмотрим.

И впервые за долгое время ему захотелось поехать на работу пораньше.

Глава 2. Охота на автора

Таблица

Первые дни ветка «Совпадения. Записи» напоминала ярмарку: каждый приносил свой товар, хвастался им и с интересом заглядывал в чужие корзины. Потом один из участников, «Игорь_м», который писал коротко и по делу, предложил то, чего никто не ожидал:

«Давайте перестанем рассказывать и начнём считать».

Игорь Левин работал в банке аналитиком, но в душе оставался математиком. Ему было под пятьдесят, он носил на работу бутерброды в контейнере с синей крышкой и всю жизнь смотрел на мир как на огромную груду деталей без инструкции: всё вокруг громоздилось, двигалось и не желало складываться в картинку. Спокойствие приходило к нему только тогда, когда среди этой груды находились две детали, которые подходили друг к другу. Математика была его способом находить такие пары. Он ей не доверял, он ей радовался, и каждый раз, когда формула вдруг описывала то, что раньше казалось хаосом, у него на минуту делалось такое лицо, будто ему сказали: «у тебя завтра выходной».

Он завёл общую таблицу и написал правила, уместившиеся в шесть строк: дата, место, цитата из книги, свидетельство, кто подтвердил, насколько деталь конкретна. Внизу приписал: «Общие слова не считаем. Только то, что можно проверить».

Люди заполняли её охотно. Занятие оказалось неожиданно мирным, чем-то средним между разбором семейного архива и сбором грибов: нашёл, положил в корзину, подписал. К концу недели набралось семнадцать записей, прошедших строгий отбор: фраза, оттенок стены, номер маршрута, название улицы, которой, как выяснилось, не было на картах до весны. Игорь выложил результат утром, и выглядел он так же просто, как всё остальное:

«Вероятность случайного совпадения для всех семнадцати меньше одной десятитысячной. Это ничего не доказывает».

Ветка ожила за час. Одни писали «магия» и ставили шесть восклицательных знаков, другие просили выложить исходные данные, третьи подозревали затею автора книги. Игорь отвечал каждому одинаково ровно, как человек, знающий, что истина любит терпеливых.

Тираж «Перекрёстка»

Читать про совпадения Кире было мало. Ей нужен был след, а лучше человек, и ещё лучше человек, который согласится на интервью. Поэтому, пока Игорь считал, она уже искала издательство.

В выходных данных значилось скромное «Тип. „Перекрёсток“», а по адресу, который она с третьей попытки отыскала в старом реестре, располагался подъезд с кодовым замком, поломанным ровно настолько, чтобы дверь открывалась с небольшим усилием и без кода. Кира, как всегда, пришла быстрее, чем стоило бы: без звонка, без плана, с одним диктофоном и верой, что всё как-нибудь сложится.

На втором этаже пахло типографской краской и печеньем. В дальней комнате её ждал редактор, пожилой мужчина в вязаной жилетке, который поднялся так поспешно, словно ждал гостью давно и всё же надеялся, что она не придёт.

— По поводу той книжки, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — За неделю шестнадцать звонков. Раньше за год бывало два.

Он заварил чай в кружке и рассказывал, часто отвлекаясь на подробности, которые, кажется, были нужны ему самому. Рукопись пришла через посредника. Деньги за тираж перевели вперёд, без торга, что в их деле случается примерно никогда или как исключение один раз. Автор ни разу не появился, а когда потребовалось уточнить правку, контакты как-то сами собой потерялись. Тираж ушёл тихо, через интернет, по одной-две книги в месяц, и, судя по всему, никто их не возвращал.

На краю стола лежала картонная папка. На обложке синим карандашом было выведено имя: «…овский Александр». Фамилия расплылась от пролитой краски пятно было в виде ромашки, и разобрать можно было только имя. Часть страниц из папки аккуратно вынули.

Когда редактор вышел в цех ненадолго, Кира сделала то, о чём не рассказывают на лекциях по журналистской этике: приподняла обложку и сфотографировала верхний лист. Договор, три абзаца казённого текста, росчерк вместо подписи, печать и в углу адрес электронной почты мелким шрифтом.

Дома она проверила адрес. Почтовый сервис ответил вежливо и безжалостно: такого ящика не существует. Но форма адреса, сам его ритм, показалась ей странно знакомой, как мелодия, которую слышишь впервые и всё равно можешь подпевать.

В тот же вечер она позвонила коллеге из соседней редакции, которому доверяла, и, захлёбываясь, выложила всё: издательство, папку, адрес, свои догадки. Коллега загорелся, предложил три версии, одна сменяла другую, и к концу разговора Кира с удивлением обнаружила, что история, которая утром была её тихим предчувствием, что эта история обросла выводами, которых она не делала. «Рано, — подумала она. — Надо было подождать». И записала в блокноте, почти обиженно: «Не пересказывать, пока сама не поняла».

«Чайная ложка»

Олег и Лена познакомились в ветке и сами удивились этому: в обычной жизни они вряд ли сели бы за один стол. Он писал «показания», она «ощущения». Но оба писали честно и оба не любили, когда читателя уговаривают поверить.

Когда Лена предложила встретиться и сравнить записи, Олег согласился раньше, чем успел обдумать, зачем ему это. Он взял отгул. Лена пересела на ночной поезд.

Кафе называлось «Чайная ложка» и стояло в переулке возле университета. Пахло корицей и мокрыми куртками, на подоконниках стояли фиалки, за стойкой негромко играл джаз. Олег пришёл на двадцать минут раньше. Лена пришла на пять позже, с сумкой, из которой торчали три блокнота, термос и мешочек с картами.

— Не знала, что принести, — призналась она. — Принесла всё.

О себе она рассказывала мало. Олег успел заметить это в первые десять минут: на любой вопрос о её жизни Лена отвечала коротко и тепло, а потом мягко возвращала разговор к теме, к блокнотам. Выложила дневники снов, которые называла лунными, потому что записывала их строго по ночам, в одни и те же часы. Олег достал распечатки. Сначала говорили осторожно, как люди, не уверенные, что понимают друг друга. Потом Лена нашла в блокноте строчку, подчеркнула её ногтем, а Олег положил рядом свою.

Строки совпадали не только по смыслу. Совпадала пауза в середине, замедление перед последним словом, образ, повторённый дважды.

— Так не бывает, — сказал Олег после долгого молчания.

— Бывает, — тихо ответила Лена. — Мы просто не привыкли видеть, как это выглядит.

Он листал дальше и вдруг остановился на фразе из книги. «Корреляционный дрейф в пределах контрольного окна».

— Так не пишут, — медленно сказал он. — Так вообще никто не пишет, кроме внутренних отчётов моего института. Я встречал это сочетание в двух документах и ни разу за пределами здания.

Лена посмотрела на фиалку у окна, потом на него.

— Значит, автор кто-то из ваших.

— Либо из наших, либо что-то утекло. — Он улыбнулся впервые за вечер. — В любом случае придётся идти на работу и делать вид, что у меня срочные дела.

Он достал из кармана камеру и, не думая, сделал кадр: окно, фиалка на подоконнике, серебристые капли на стекле и размытый силуэт прохожего. Лена увидела это и ничего не сказала, но лицо у неё стало внимательным. Олег убрал камеру. Кадр был обычным. Просто в нём почему-то было тепло.

Третий этаж

У вахтёра в институте было правило не удивляться тем, кто приходит по вечерам. Олег приветственно кивнул, поднялся на третий этаж и закрыл дверь маленькой комнаты, где хранились старые папки.

Архив был таким же, каким он помнил его с первого дня: длинные ряды стеллажей, неяркий свет, запах бумаги, много лет не знавшей сквозняка. Олег двигался уверенно, как человек, знающий дорогу в доме, где вырос. Слова «мурзион» он здесь, конечно, не ждал. Он искал не имя, а смысл.

Через час пальцы остановились на тонкой папке с внутренним номером и датой: 2019 год. Обычный отчёт на три страницы: таблица, график, пара выводов. И один абзац в самом конце, набранный чуть мельче остального, будто автор сам не был уверен, стоит ли его включать:

«Зафиксированы слабые корреляции, не объяснимые случайностью, наблюдаемые одновременно в нескольких точках наблюдения. Причина не установлена».

Он сфотографировал страницу, потом вторую, с подписью, и поставил папку на место так бережно, как будто она могла проснуться.

На улице шёл первый в этом году снег. Олег стоял под фонарём и набирал сообщение в общий чат. Стирал и писал заново, пока не получилось именно то, что он думал:

«У меня есть зацепка. Это не только книга. Это где-то фиксировали».

Потом, уже по дороге домой, поймал себя на странной мысли: имя на папке в издательстве, которое описала Кира, было то же, что у брата. Совпадение, решил он. В России Александров много. Но мысль осталась, как маленький камешек в ботинке: не больно, просто чувствуется.

Узел_01

Новый участник появился в ветке незаметно, как кошка в доме: никто не видел, как она вошла, но вдруг все заметили, что она сидит на подоконнике. Ник у него был странный, «Узел_01», ни аватара, ни приветствия, ни длинных историй. Он ничего не доказывал и ни с кем не спорил, а только спрашивал, и спрашивал так, будто уже знал ответы и не хотел портить другим удовольствие:

«А что, если совпадения не случайны, а закономерны?»

«А что, если их можно измерить?»

Артём заметил это не сразу. Но когда из любопытства открыл профиль, то долго сидел неподвижно: аккаунт появился в тот же день, в те же часы, когда он выложил фотографию страницы.

«Наверное, совпадение», — подумал он и усмехнулся. В последнее время это слово у него перестало быть простым. Тот самый лама из дацана сказал бы, что нить не бывает случайной, она бывает пока незамеченной. Артём всегда считал такие слова красивыми. Сейчас он впервые подумал, что они могут быть ещё и точными.

Пятеро

К концу второй недели в общем чате их стало пятеро, и это было не вполне случайно. Каждый пришёл со своим: Кира с диктофоном и нетерпением, Олег с институтом и осторожностью, Игорь с таблицами, Лена с картами и ночными блокнотами, Артём с тем самым сном. Они были почти не знакомы, но понимали друг друга.

На очередном созвоне Лена сказала то, что думали все:

— Мы можем спорить о смысле хоть до весны. Давайте просто собирать.

— Данные, — согласился Игорь.

— Факты, — добавила Кира, и впервые не торопилась.

— Сны, — улыбнулся Артём.

Олег ответил последним. Он помолчал, глядя на экран, где пять окошек с пятью разными комнатами светились в вечерней темноте.

— У меня есть доступ к датчикам, — сказал он. — Они чувствительнее всего, что есть в этом городе, да и в стране. Давайте попробуем зафиксировать хоть что-то. Если не получится, я напишу скучный отчёт о шуме и отправлю его в архив, где ему самое место.

Они засмеялись. А потом, не сговариваясь, одновременно замолчали, и в этой короткой тишине каждый подумал об одном и том же: а что, если получится?

Глава 3. Перевод метафор на язык науки

Ночной собеседник

За месяц до того, как они собрались все вместе, Олег завёл привычку, о которой никому не рассказывал. По вечерам, когда в лаборатории оставался один, он открывал ноутбук и переписывался с нейросетью.

Началось это от скуки, как начинаются многие хорошие вещи. Он спросил, как объясняют квантовую запутанность школьникам, получил ответ, удивился, спросил ещё, и через неделю уже ловил себя на том, что приходит в институт с готовым списком вопросов, как приходят в библиотеку. Ему было интересно всё: как устроены часы с кукушкой, почему вода в чайнике шумит перед закипанием, что думают философы о случайности. Нейросеть была похожа на огромный архив, который отвечает простыми словами, не торопит и не обижается, если переспросить.

Минусы он видел так же ясно, как плюсы. Она не отвечала за свои ответы: могла сказать уверенно то, что оказывалось неточным, и никто бы не спросил с неё за это. Поэтому каждое важное слово Олег проверял сам, по книгам и приборам, а саму беседу принимал как разговор с очень начитанным попутчиком: интересно, полезно, но проверить стоит. С таким правилом плюсы, по его подсчётам, перевешивали.

В ту ночь он написал: «Бывает ли связь между событиями без передачи энергии?» Получил подробный ответ с примерами, оговорками и честным «это спорная область». Он прочитал, перечитал, выписал в жёлтую тетрадь три термина и закрыл ноутбук. Решение, что делать дальше, принимал уже не нейросеть, а он. И решение было простым: показать это Игорю.

Кухня с зелёной лампой

К концу месяца они собрались все вместе. Игорь жил в Новосибирске, в старой квартире с высокими потолками и книжными полками, которые давно перестали быть мебелью и стали частью стен. Олег приехал после смены, Кира и Лена прилетели накануне, а Артём добрался ночным поездом с рюкзаком, где лежали ноутбук, зарядки и пакет пирожков, купленных на вокзале. Пирожки оказались с капустой и исчезли за десять минут.

Было уже за полночь. На кухне горела одна лампа под зелёным абажуром, на подоконнике, прижавшись к стеклу, дремал рыжий кот по имени Лемма. Игорь поставил ноутбук на табуретку, откашлялся и впервые за всё время знакомства показался не уверенным, а немного смущённым.

— Я сделал одну вещь, — сказал он. — Я перевёл с языка книги на язык цифр.

Он рассказывал неторопливо, подбирая слова, как человек, переводящий стихи и боящийся потерять музыку. «Связь, которая проходит сквозь чёрную дыру» красиво, но непригодно для работы. Если вычеркнуть образ, остаётся мысль: что-то связывает два события, а между ними нет ничего, что могло бы нести энергию. Ни сигнала, ни провода, ни волны. Игорь назвал это «безэнергетической корреляцией»: связью без передачи, которую видно только по одному признаку, события случаются вместе чаще, чем должны.

— Невесомая связь, — тихо сказал Артём, больше самому себе.

Игорь посмотрел на него, помолчал и записал это слово.

На графике выросли столбики, по одному на каждое из семнадцати записанных совпадений. Они не лежали ровно, как дождевые капли, а собирались в гроздья с пустыми промежутками между ними: один кластер в начале осени, другой в конце ноября, третий совсем недавний.

— Если бы это была случайность, они бы рассыпались, — сказал Игорь. — А они держатся вокруг каких-то моментов.

Лена, сидевшая на табуретке с кружкой в ладонях, чуть подалась вперёд и тихо сказала:

— Как приливы.

— Я хотел сказать «как периодичность», — признался Игорь. — Но «приливы» красивее. Запишу в примечания.

Лемма на подоконнике открыл один глаз, посмотрел на экран и закрыл снова: ничего интересного.

Тишина с подключёнными проводами

На следующий день Олег повёл всех в институт.

Кира, которая ожидала увидеть гараж с паяльником, остановилась на пороге. Это была настоящая лаборатория: просторная, чистая, тихая, какая бывает только там, где работают с очень тонкими вещами. Вдоль стен стояли стойки с приборами, над ними бежали аккуратные пучки кабелей, а в центре, под лёгким серебристым куполом, располагалась установка, похожая на космический аппарат, который собирались запустить, но передумали.

— Квантовые магнитометры, — коротко пояснил Олег, показывая на синие блоки. — Фотонные детекторы вон там. Экранирование стен убирает почти все внешние поля. Мы измеряем флуктуации слабее шёпота. Если мурзион существует, он проявится как микроизменение, которое обычные приборы не видят.

Лена обошла установку по кругу, не прикасаясь, потом чуть задержала ладонь над одним из блоков, как над печкой.

— Здесь спокойно, — сказала она. — Как в хорошем храме. Всё стоит на своих местах.

Пока остальные разглядывали приборы, Олег достал камеру и сделал кадр: серебристый купол установки, на нём дрожащий отсвет. Он не знал, зачем. Просто стало вдруг важно, чтобы этот свет остался.

Потом он быстро собрал тестовую схему из модулей, лежавших на соседнем столе, добавил свою маленькую доработку, аккуратную, как заплатка на хорошем пальто, и через час установка уже мигала зелёными огоньками посреди лаборатории. Интересная вещь, подумала Кира. Именно из таких вырастают большие истории.

Один тест

Спорить начали ещё до первого запуска, но по-доброму, как спорят люди, которым этот разговор нужен для работы.

— Сначала надо исключить искажения, — сказал Игорь, и в его голосе не было упрямства, только аккуратность. — Люди видят закономерность там, где её нет. Мозг так устроен. Мы можем набрать сто совпадений и просто убедить самих себя.

— Выборку собирали те, кто уже ищет совпадения, — добавил Олег. — Это ещё одна причина не доверять красивым выводам.

— Согласна, — кивнула Лена, и все удивились, как легко она это сказала. — Поэтому я бы вообще ничего не ждала. Ни образов, ни знаков. Просто записать время, лечь спать и посмотреть, что скажут приборы. Всё, что я стала бы себе придумывать, будет мешать.

Олег посмотрел на неё с новым интересом.

— Это самое научное предложение за весь день.

Уговорились на одном: проводим один тест. Если не получится, у Олега будет отчёт о шуме, а у остальных хороший повод вернуться к своим делам. Если что-то выйдет, придумают, как быть дальше.

Лестница

В углу лаборатории стояла узкая кушетка, на ней обычно отдыхали дежурные после ночных смен. Артём лёг, укрылся колючим пледом, пахнущим стиральным порошком, и по старой привычке из дацана выровнял дыхание, считая вдохи до семи. Датчики включили заранее, Лена села рядом с блокнотом, Кира положила камеру на колени, Игорь не отрывался от монитора, а Олег стоял у стойки, засунув руки в карманы, и делал вид, что ему всё равно.

Спать при пяти зрителях оказалось легко. Ровно гудели вентиляторы, как море за окном, в лаборатории было тепло, а Артём устал. Через двадцать минут его дыхание выровнялось окончательно.

Проснулся он ровно через час и первым делом сказал:

— Лестница.

Лена наклонилась ближе.

— Расскажи.

— Деревянная, узкая, как в старом доме. Ступени скрипят. А наверху голос, женский. Она говорит… — Он нахмурился, припоминая. — «Подожди, я сейчас спущусь».

Кира нажала на запись, Лена записала слова и подчеркнула время.

— Вот, — произнёс Игорь негромко. — Смотрите.

На графике в те минуты, когда Артём видел лестницу, в линии датчика появился небольшой, но чёткий пик. Не всплеск, а скорее лёгкая рябь, как от пальца, проведённого по воде. Он повторился ещё дважды, с той же формой и с интервалом в несколько минут. Игорь пересчитал. Пересчитал ещё раз. Потом молча повернул ноутбук так, чтобы Олег видел цифры.

— Вероятность случайности ниже порога, — сказал он.

Олег подошёл и долго смотрел на кривую. Потом лицо его изменилось: не испуг, а узнавание, как у человека, которому показали знакомую фотографию в чужом альбоме.

— Подождите. Я это видел.

— Где?

— Здесь, в институте, в девятнадцатом году. — Он уже шёл к стеллажу. — Тогда у нас были похожие пики, и мы решили, что это наводки: сеть, лифт, что-нибудь такое.

Он вытащил с полки толстый журнал в синей обложке, перелистал и положил на стол раскрытым. Рядом с графиком Игоря легла старая выцветшая распечатка. Две линии. Один и тот же рисунок: небольшой подъём, короткая площадка, плавный спад.

— Значит, мы его не открыли, — сказал Артём, садясь на кушетке. — Мы его просто нашли.

— Он всё это время лежал здесь, — задумчиво ответил Олег. — А мы ходили мимо.

Сообщение

Вечером, когда все разошлись, Артём сидел у окна с телефоном. На экране мигнуло новое сообщение. Личное. От «Узла_01».

«Вы на верном пути. Смотрите на узлы. Они сильнее в местах с историей».

Это было всё, без подписи и без приветствия. Артём перечитал текст и разбудил Олега, который спал на раскладушке в кухне. Тот посмотрел, потёр лоб, открыл ноутбук и через двадцать минут закрыл его: он не умел делать то, что умеют хакеры в кино, но умел то, что умеют инженеры.

— Отправлено из города, где когда-то была старая обсерватория. Я видел это название в архивах. Туда давно посылали группу, но вроде бы ничего не нашли.

— И что мы будем делать?

— Выспимся, — сказал Олег. — А утром решим.

Но уснуть удалось не сразу. За окном шёл снег, мелкий, лёгкий, неторопливый, и ложился на карниз, и таял, не оставляя следа. Артём смотрел на него и думал, что в этом сообщении было что-то странное, чего он пока не мог назвать: оно звучало и очень близко, и очень издалека одновременно. Как письмо, отправленное кем-то, кто уже знает, чем всё закончится, и просто хочет подсказать дорогу.

Утром у Олега уже был план.

Глава 4. Сигналов слишком много

Золотой горох

Иногда лучший способ узнать, сколько в комнате воды, это открыть кран и не закрывать. Олег понял это в понедельник утром, когда снял с установки все ограничения.

До сих пор она записывала только то, что ей велели: пики в заданные минуты, в заданных диапазонах. Теперь он разрешил собирать всё подряд, каждую малейшую аномалию за последние сорок восемь часов. Налил кофе, сел на вертящийся стул и приготовился к долгому ожиданию, как человек, забросивший удочку в тихий пруд.

Ждать пришлось четыре минуты.

Экран заполнился. Сначала появились десятки зелёных точек, потом сотни, и вскоре весь график стал похож на горох, высыпанный на тёмную скатерть. Олег поставил чашку, протёр очки краем рубашки и надел снова. Горох никуда не делся.

Игорь вошёл без стука, как входят в место, которое давно считают своим, с контейнером бутербродов под мышкой. Он остановился за спиной у Олега и присвистнул, негромко и протяжно.

— Их не единицы. Их сотни, и идут почти непрерывно.

— Значит, шум, — отозвался Олег. — Либо мы что-то не фильтруем, либо где-то фонит блок питания. Либо я плохо спал.

— Ты плохо спал?

— Нет.

— Тогда тоже вариант.

Они улыбнулись друг другу. Но Игорь смотрел на экран иначе, чем Олег. Олег видел в нём помеху, которую надо отфильтровать. А Игорь, всю жизнь живший среди груды неразобранных деталей, видел впервые за много месяцев нечто знакомое: огромный, нескладный, живой хаос, в котором, он был почти уверен, прячется порядок. Просто его ещё не нашли.

Три корзины

В тот же вечер все пятеро собрались в лаборатории вокруг большого стола. Кира разложила чистые листы, Артём принёс печенье из ближайшего магазина, Игорь придумывал, как назвать то, что висело у него на экране, и никак не мог.

Лена пришла последней, с сумкой, из которой торчал уголок знакомого шёлкового мешочка. Она посмотрела на экран, потом на лица.

— Можно я предложу, как разбирать? Я так раскладываю карты, когда их слишком много: не пытаюсь понять сразу, а сортирую по ощущению, как грибы по корзинам. Потом ощущение проверяют уже цифры.

Игорь, к собственному удивлению, кивнул. Она взяла фломастер и нарисовала на листе три круга.

В первом написала: **Тип A. Земные.** Совпадения, которые можно привязать к людям: кто-то подумал о другом, совпала фраза, приснился знакомый образ.

Во втором: **Тип B. Непонятные.** Сигналы без видимой привязки к людям, странные узоры в шуме, которых никто не чувствовал.

В третьем: **Тип C. Отдалённые.** Всплески, которые совпадают с событиями, но не с теми, что происходят сейчас.

— Красиво, — признал Олег. — Только договоримся: чудес не называем. Это аномалии, и смотрим, где они пересекаются с реальностью.

— Хорошая фраза, — сказала Кира, записывая. — Можно в заголовок.

— Заголовок потом.

Они работали долго. Кто-то разогревал чай и бутерброды в микроволновке, кто-то спорил, куда отнести тот или иной сигнал, и время от времени в комнате воцарялась тишина, наполненная стуком клавиш и шелестом бумаги. К полуночи на ватмане висели три колонки, и колонка B оказалась самой длинной.

— Странно, — сказал Игорь. — Я думал, больше всего будет первая.

— Люди, — задумчиво ответила Лена, — самая заметная часть картины. Но не самая большая.

Эту фразу никто не стал развивать, но запомнили её все.

Кира уже набирала в телефоне сообщение для общего чата «Тихий час»: «Ребята, у нас сотни сигналов, мы разбираем на три группы…» Палец завис над кнопкой.

— Подожди, — сказала Лена мягко, не поднимая головы от ватмана. — Пока мы сами не знаем, что это. Расскажешь сейчас, и люди сразу начнут дописывать за нас.

Кира посмотрела на неё, потом на экран. Через секунду стёрла сообщение и убрала телефон. «Ну да», — подумала она. Опыт с коллегой ещё был свеж.

Булавки

На следующее утро Игорь пришёл раньше остальных, с красными глазами и лицом человека, который всю ночь решал головоломку и наконец услышал щелчок. Он разложил на столе бумажную карту, потому что не доверял экранам, когда нужно было думать, взял сигналы из колонки B и стал отмечать их булавками с цветными головками. Сначала булавки лежали как попало. Потом он соединил их ниткой, как в детективах, хотя сам никогда не любил детективы, и заметил, что нитки тянутся в одну сторону.

Не в одну точку, конечно. Но все они, как стрелки компаса, указывали на небольшой район к югу от города, где в середине прошлого века построили обсерваторию. Не знаменитую, а скромную, провинциальную, из тех, где люди ночью смотрели на звёзды, а днём пили чай и спорили о погоде.

Когда Олег увидел карту, он долго молчал.

— Это то самое место, — сказал он наконец. — Откуда было сообщение от Узла_01.

— Я так и подумал, — тихо отозвался Игорь.

— Хорошо. Это уже не случайность, но ещё не доказательство. Прежде чем ехать, давайте убедимся, что мы не обманываем сами себя.

Неделя скучной работы

Это была самая скучная и самая нужная неделя.

Олег отключал датчики по одному, как механик, ищущий, какая деталь стучит. Менял экранирование, добавлял слои, убирал, поворачивал. Запускал контрольные прогоны ночью, когда в лаборатории никого не было, и днём, в разгар работы. Записывал всё в тетрадь с жёлтой обложкой, которая быстро распухла от закладок.

Вечерами он выходил из института и шёл домой пешком, давая голове остыть. Дорога лежала через пустырь, потом вдоль гаражей, потом через мост над замёрзшей речкой, и по дороге он делал снимки: ржавую лестницу на гараже, лужу с отражением фонаря, мальчишку, запускавшего змея в темнеющее небо. Камеру он доставал, не думая, как достают платок. Что-то в этих кадрах было, чего он не мог назвать. Он листал их потом на ходу, пожимал плечами и снова убирал камеру в карман.

Однажды в лаборатории Кира, сидевшая рядом с пакетом яблок, потянулась к его камере со словами «можно?» и, не дожидаясь ответа, начала листать.

— Олег, — сказала она через минуту. — Это очень хорошо.

— Просто кадры, — отмахнулся он.

— Нет. Я работаю с картинкой много лет. Эти люди смотрят в одну точку. — Она показала на экране мальчишку со змеем. — Выложи на какой-нибудь фотосайт. Тематический, не просто «в соцсети». Там есть люди, которые понимают.

— Зачем?

— Чтобы узнать, не мерещится ли мне.

Он засмеялся и пообещал подумать. Кира была из тех людей, которые не настаивают, а просто оставляют идею на столе рядом с чаем.

На шестой день он собрал всех и положил на стол результаты.

— Аномалии остались. Я менял приборы, схему, расписание, они не исчезают. — Он достал из папки выцветшую распечатку из синего журнала. — И ещё. Форма всплесков совпадает с архивом девятнадцатого года. Не примерно, а по рисунку, как будто один и тот же почерк.

Лена смотрела на старый график, Игорь на новый. Артём склонился над столом, уперев подбородок в ладони.

— Значит, это не прибор, — медленно сказал он.

— Значит, это в данных, — тихо ответил Олег и сам удивился, как легко это прозвучало.

Решение

Поздно вечером, когда в институте уже погасили свет в коридорах, они остались в маленькой комнате отдыха. На подоконнике стоял чайник, на столе лежали остатки печенья, и в окне, за чёрными силуэтами деревьев, медленно загорались огни далёкого района.

— Не будем искать смысл, — сказала Лена. — Он сам придёт, если мы не станем его торопить.

— Пока просто статистика, — согласился Игорь.

— И пусть она будет честной, а не красивой, — добавила Кира.

Артём молчал. Он смотрел на карту, лежавшую на столе, на булавки и тонкие нитки, которые, как ему казалось, чуть заметно дрожали от тёплого воздуха.

— Тогда поедем, — сказал он.

— Куда? — спросил Олег, хотя знал ответ.

— К узлу. К старой обсерватории.

Олег посмотрел на остальных, потом на свои руки, лежавшие на столе. Руки были спокойными. Давно он такого за ними не замечал.

— Поедем. Возьмём переносной модуль, соберём данные на месте. Если ничего нет, вернёмся и закроем тему. А если есть…

Он не договорил, и никто не стал его торопить. Аномалия, думал он, оказалась куда более увлекательной спутницей, чем любое чудо. Она ничего не обещала. Она просто просила не отворачиваться.

Глава 5. Разбор и систематизация

Холм

Обсерватория встретила их ветром. Не злым, а любопытным: он обходил микроавтобус кругом, трогал дверцы, играл с волосами и заглядывал за воротники. Они ехали от рассвета, по пустым полям и по лесу, где радио перестало ловить станции и никто не включил музыку, и теперь, выйдя на холм, долго стояли молча, привыкая к простору.

Над лесом, на невысокой горе, поднималось круглое и серебристое облако. Купол выглядел крошечным и немного нелепым посреди огромного неба, как шляпа, забытая на дереве. Низкое здание с облупленной жёлтой штукатуркой, второй купол, застывший полуоткрытым, как приоткрытый глаз, и узкая тропинка в высокой пожухлой траве. Внутри первого купола под слоем пыли дремал телескоп, тяжёлый, с потемневшей латунью на окулярах. Лена провела ладонью по холодной трубе и оставила на ней светлую полосу.

— Здесь давно не было людей.

— Были, — отозвался Артём, показав на пол, где лежали пустая жестяная банка из-под сгущёнки и аккуратно сложенная газета двухлетней давности.

Олег уже работал. Он выбрал ровную площадку между куполами, разложил штатив, проверил калибровку и вбил в землю маленькие красные колышки, отметив точки замеров. Двигался он точно и неторопливо, и со стороны казалось, что он не настраивает прибор, а здоровается с ним. Кира обошла здание по кругу, поймала в объектив ржавый купол на фоне серых облаков и решила, что будет рассказывать эту историю так, чтобы её поняли даже те, кто никогда не слышал слова «магнитометр».

Артём отошёл к краю холма и сел на камень, сложив ладони. Он просидел так минут десять и вернулся улыбаясь, без объяснений.

Лена вышла за ограду и несколько минут стояла у края, закрыв глаза. Потом села на скамейку у входа и записала в блокнот:

«Не тяжело. Просто время течёт шире. Как река, которая вышла на равнину».

— Субъективно, — заметил Олег, проходя мимо с катушкой кабеля. — Давайте цифры.

— Цифры будут, — мягко сказала Лена. — Ощущение я запишу заранее, чтобы потом не подгонять.

Он остановился и посмотрел на неё с тем выражением, с каким смотрят на хорошо сделанную вещь.

— Вот это уже методика.

Потом он достал камеру, отошёл на несколько шагов и сделал кадр: красные колышки в сухой траве, а за ними, размытый ветром, серебряный купол. Кадр получился, как получались многие его кадры: без причины.

Всплеск, которого никто не чувствовал

Первые часы шли скучно, как и положено настоящей работе. Датчики тихо мигали, цифры ползли ровной колонкой, ветер шуршал травой, а в термосе постепенно заканчивался чай. Игорь, пристроив ноутбук на коленях, бормотал: «Ровно. Ровно. Ровно».

Потом сказал другим голосом:

— Олег.

На экране, в самой середине ровной линии, поднялся острый чёткий пик, будто кто-то в глубине тихой воды ударил по струне. Он продержался несколько секунд и плавно опал.

Игорь быстро сверил время со всеми дневниками, которые пришли в общий чат за последние сутки, нахмурился и сверил снова.

— Этот сигнал ни с чем не коррелирует. Никто не видел в это время ни сна, ни совпадения. Его некому было почувствовать.

Олег проверил кабели, контакты и заземление, прошёл всю цепочку заново, как врач, который слушает сердце в третий раз, надеясь услышать другое. Всё было чисто.

— Значит, источник не только в людях, — сказал он наконец. Голос у него был ровный, но чуть дрогнул.

В разрыве облаков на мгновение показалось низкое осеннее солнце, скользнуло по куполам, по траве, по лицам и спряталось.

— Я хочу чаю, — сказала Лена. — Горячего. Кто-нибудь ещё?

Они засмеялись, и после этого смеха стало легче дышать.

Раскладка

В лабораторию вернулись поздним вечером, но никто не стал расходиться. Усталость была хорошей, как после долгой прогулки. Игорь вывалил на стол все данные за последние недели, тысячи записей, и принялся пересчитывать. Лена читала вслух ночные заметки, подсказывая, что к чему относится, Кира писала на ватмане, а Артём готовил очередной чай.

К полуночи сквозь хаос начала проступать картина. Не резко, а как проявляется фотография в ванночке: сперва тени, потом контуры, потом лица.

— Смотрите, — сказал Игорь, отодвинувшись от стола.

Земные события: тридцать два процента сигналов. Они чётко совпадали с личными переживаниями, снами, совпадениями фраз. С этого всё и началось.

Непонятные: пятьдесят восемь процентов. Связи с людьми нет, но есть структура, повторяющиеся ритмы, не похожие на обычный шум. Как узор на обоях, который сперва кажется случайным, а потом замечаешь, что он повторяется через каждые три ладони.

Отдалённые: десять процентов. Всплески, совпадающие с событиями, которые произошли давно или происходят далеко. Если бы они были словами, их можно было бы назвать эхом.

Лена медленно села на стул, и Кира заметила, что она улыбается, не печально, а как человек, которому приоткрыли дверь в большую комнату.

Олег подошёл к доске и впервые за много недель положил мел.

— Мы думали, что ловим связь между людьми. А ловим, похоже, что-то гораздо большее. И люди в нём только часть картины.

В лаборатории стало тихо. Мерно гудели вентиляторы, внизу проехала машина и на секунду осветила потолок.

Третий час ночи

Домой Олег не пошёл. Остальные разъехались, а он прихватил на всякий случай фонарик и спустился в архив.

Теперь он искал иначе: не феномен, а место. Название обсерватории и слова, которые могли быть рядом с ним. Два часа он перебирал папки, один раз чуть не уснул над отчётом о тепловых потерях здания, один раз рассмеялся вслух, наткнувшись на объявление «Просьба не оставлять тапочки в лаборатории». И только в третьем часу, на нижней полке, в картонной коробке без надписи, нашёл то, что искал.

Тонкая папка. Две страницы. Название сухое, как положено: «О фоновых аномалиях в районе пункта наблюдения». В 2018 и 2019 годах на холме фиксировались странные флуктуации, много и похожих друг на друга. Авторы не нашли причины и в графе «Вывод» написали: «Предположительно погодные эффекты».

Он сфотографировал график, положил рядом сегодняшние распечатки и долго смотрел на два листа. Форма совпадала.

Перед тем как подняться наверх, он вспомнил про просьбу Киры, достал телефон и перекинул на тематический фотосайт один кадр, самый первый, с мальчишкой и змеем. Без подписи. Закрыл приложение и пошёл наверх, не думая больше об этом.

Утро

Кира пришла в лабораторию раньше всех, около семи, с пакетом булочек из ближайшей пекарни. На столе под зелёной лампой, положив голову на сложенные руки, спал Олег. Рядом лежали две распечатки, старая и новая, и между ними жёлтая тетрадь, раскрытая на последней странице.

Она не стала его будить. Взяла с кушетки колючий плед, накинула ему на плечи и тихо села напротив. Потом, не удержавшись, повернула тетрадь к себе.

Последняя запись была такой:

«Это не впервые. Просто раньше никто не знал, что с этим делать».

И ниже, другой ручкой, мельче, словно мысль, которую человек не решился написать крупно:

«Если это не люди, то что?»

На столе у его локтя мигнул экран телефона. Кира взглянула и замерла. Уведомление от фотосайта: «Вашу работу отметили 412 человек». Потом тут же ещё одно: «Новый комментарий». Она осторожно, чтобы не разбудить, перевернула телефон экраном вниз и улыбнулась. Это, похоже, была самая приятная новость за последние недели, и пусть он узнает её сам, когда проснётся.

Она положила булочку рядом с его рукой и отошла в сторону. Над крышами поднималось утро, медленное и пасмурное, цвета разбавленного молока. Где-то наверху хлопнула дверь, и по коридору покатилась тележка с вёдрами.

Она достала камеру, посмотрела на спящего Олега, на два графика, лежащих рядом, и опустила камеру обратно. Некоторые кадры лучше оставлять себе.

Глава 6. Другая ветка

Знакомое лицо в цифрах

Есть люди, которые находят закономерности случайно. Игорь Левин был из других: он их выманивал терпением, пустыми вечерами, горячим чаем и привычкой смотреть на одну колонку цифр так долго, что она начинала разговаривать.

В среду, ближе к обеду, она заговорила.

Он сидел в маленькой комнате при лаборатории, куда Олег разрешил перенести ноутбук и два монитора, и разбирал десятипроцентный хвост, «отдалённые» сигналы. Их было немного, и именно поэтому он смотрел на них особенно внимательно. Редкое рассказывает больше, чем частое.

Что-то в этих сигналах было знакомым. Не одинаковым, а знакомым, как лицо человека, которого когда-то видел мельком. Игорь открыл рядом таблицу земных всплесков и принялся накладывать одно на другое. Те же ритмы. Тот же характер нарастания. Но чуть иначе, как будто два музыканта играют одну мелодию и один слегка отстаёт.

Когда Олег зашёл позвать его на обед, Игорь сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на экран с таким видом, словно прислушивался.

— Это похоже на нашу реальность, — сказал он медленно. — Но не она. Те же пики, но сдвинутые по фазе.

— Без метафор, пожалуйста. Что в цифрах?

— Структуры повторяются, параметры смещены. Я бы сказал, что это как отражение, только не зеркальное.

— Параллельная версия?

— Я этого не говорил.

— Говорил.

— Я говорил про фазу, — упрямо повторил Игорь. — Остальное ты сам додумал.

Олег усмехнулся первым, и Игорь тоже.

Борщ и версии

Обедали в институтской столовой, где всегда пахло капустой, а на раздаче работала Тамара Ивановна, знавшая, кто что любит. Лена уже сидела в углу за столиком. Артём и Кира подошли следом, и разговор, начатый в коридоре, продолжился.

Игорь объяснил всё ещё раз, на салфетке, нарисовав две волны, одну над другой, с небольшим смещением. Кира смотрела на рисунок, подперев щёку. Лена слушала так, что хотелось продолжать, а когда он закончил, сказала просто:

— Ко мне приходят женщины, которые рассказывают одно и то же разными словами. «Я чувствую, что где-то живёт другая я, которая выбрала по-другому». Я никогда не спорю с этим и никогда не соглашаюсь. Просто слушаю. — Она помешала компот ложкой. — А что, если мурзион связывает не только людей, но и реальности? Тогда мы ловим не только свои совпадения, но и чужие.

Тамара Ивановна на раздаче загремела половником.

Олег отложил вилку. Он давно привык доверять приборам, и всё в нём тянулось возразить против слова «реальности» во множественном числе. Но цифры не возражали. Он пытался найти в них ошибку, пока ехал на обед, и ещё раз, пока стоял в очереди с подносом, и не нашёл.

— Допустим, — сказал он наконец, как делают первый шаг по льду. — Тогда нужны критерии. Что отличает наш сигнал от чужого? И можно ли это вообще разделить?

— Это уже вопрос, а не вера, — заметил Игорь.

— Хороший вопрос и есть половина работы, — ответил Олег.

Артём слушал, не вмешиваясь. Лама в дацане сказал бы на это, что мир как ожерелье, в котором каждая бусина отражает все остальные. Артём всегда считал такое сравнение красивым, но не применял к физике. Сейчас, глядя на салфетку с двумя волнами, он вдруг задумался, не одно ли это и то же.

Метки

К вечеру на доске в лаборатории висел список. Составляли его все вместе, перебивая друг друга, но вышло аккуратно и просто, как чертёж.

Первая метка: **синхронизация с людьми.** Если сигнал совпадает с чьим-то сном или предчувствием, он земной.

Вторая: **структурное сходство.** Если сигнал похож на земной по форме, но ни к кому не привязан, это «параллельный».

Третья: **полная непонятность.** Не совпадает вообще ни с чем: «неизвестный». Без догадок и красивых названий.

— Классификация рабочая, — продиктовал Олег, а Кира записала в протокол. — Ничего не объясняем, только фиксируем.

— Ты прямо монах, — улыбнулась Лена. — Всё «потом».

— Я инженер, — возразил Олег. — У нас «потом» самое честное слово.

Окно

Дни шли чередой, спокойные и похожие, и в этой однообразной работе было своё удовольствие. Игорь выверял таблицы, Лена вела записи, Артём ездил на лекции и привозил рассказы о том, как сосед по общежитию в третий раз потерял ключи. Кира монтировала материал и вечерами присылала в чат коротенькие кусочки видео: серый холм, купол, облака.

А потом Игорь снова позвал Олега к экрану. На этот раз не торопился. Он молча придвинул стул, дождался, пока Олег сядет, и вывел три графика.

Три сигнала, из разных мест, в разное время. Почти одинаковые между собой и почти одинаковые с земными паттернами, которые они знали наизусть.

— Структура та же, а события другие, — сказал Игорь. — Как будто кто-то повторяет нашу логику, но делает это по-своему. Не копирует. Пересказывает знакомую историю другими словами.

Олег долго смотрел, положив подбородок на сцепленные пальцы, как сидят над шахматной доской, когда ход ясен, а последствия нет. За окном темнело. В коридоре кто-то прошёл, постукивая каблуками, и всё стихло.

— Если это правда, — произнёс он тихо, почти для себя, — то мы открыли не просто связь. Мы открыли окно.

Игорь не ответил. Некоторые слова лучше не трогать руками, пока они не остынут.

Сообщение

В тот же вечер Артём вышел из общежития за хлебом и по дороге достал телефон. Пришло сообщение, и он остановился под фонарём, как делают люди, читая важное:

«Вы видите только отражение. Ищите источник».

Узел_01. Всё те же слова, без подписи. Артём перечитал и вдруг понял, что слово «отражение» он слышал сегодня днём, всего несколько часов назад, от Игоря, в институте. Он не помнил, чтобы повторял его в чате. Но, может быть, повторял. Или Игорь. Или это просто хорошее слово.

Хлеб он так и не купил. Через сорок минут они с Олегом уже сидели за ноутбуком, и тот проверял служебные поля, как проверяют карманы перед выходом: ключи, документы, телефон.

— Из другого города. Там тоже есть старый научный объект, бывшая станция мониторинга. Низкочастотные наблюдения, закрыта лет пятнадцать назад.

— Едем?

— Как соберём команду. Через пару дней.

Лайки

О том, что с его снимком что-то происходит, Олег узнал только в пятницу, когда заглянул в телефон за адресом нужной улицы.

Уведомлений было очень много. Мальчишка со змеем набрал за три дня больше девяти тысяч отметок. Под фотографией шла длинная лента комментариев, и Олег, который терпеть не мог читать чужие мнения, отчего-то открыл её и не смог закрыть.

«Я никогда не был в этом дворе, но помню этот вечер».

«Странно: у меня в детстве был точно такой змей».

Он смотрел на это и пытался понять, что именно в кадре так действует на людей. Ничего особенного: серое небо, мальчишка, нитка. Он не ловил кадр, не ждал света. Просто нажал кнопку, потому что что-то в этом было.

Кира, зашедшая за ним, взглянула через плечо.

— Видишь? Ты попал.

— Во что?

— В то, что люди чувствуют, а сказать не могут. — Она пожала плечами. — Не знаю, как это называется. Но когда долго работаешь с картинкой, учишься замечать, когда кадр говорит сам за себя.

Пришло сообщение от брата. Короткое, как всегда: «Видел твой снимок в ленте. У меня то же чувство, как будто мы вдвоём стояли на том пустыре». Олег прочитал и убрал телефон в карман.

Он решил, что подумает об этом потом. Но камеру в тот вечер положил не в сумку, а в нагрудный карман куртки, поближе.

Глава 7. Душа как сигнал

Десять минут тишины

В институте была комната, о которой знали только свои. Без таблички, с продавленным диваном цвета варёной сгущёнки, двумя разномастными креслами и окном, выходившим во двор, где росла одинокая рябина. Сюда приходили, когда голова переставала трезво мыслить, и считалось, что здесь не принято решать ничего важного.

Именно поэтому Лена предложила собраться тут.

— Одна просьба, — сказала она, когда все расселись. — Десять минут молчим. Не медитируем, никакой магии. Просто молчим, а потом каждый пишет на листке первое, что пришло в голову. Мне надо, чтобы голова остыла, а то мы все слишком много говорим.

Кира подняла бровь, Игорь посмотрел на часы, а Олег, к общему удивлению, согласился первым:

— Нормальный эксперимент. С контролем.

Лена поставила на стол маленький песочный таймер и перевернула его. В комнате стало тихо. Было слышно, как гудит холодильник в коридоре, как капает вода в неплотно закрытом кране, как Артём, лёжа на диване, дышит ровно и глубоко. За окном рябина качала красными гроздьями.

Лена закрыла глаза. Каждый вечер она сидела так минут двадцать, как другие умываются перед сном, и давно привыкла к тому, что происходит дальше: мысли оседают, как муть в стакане, и остаётся ясная вода. Но сегодня в этой воде что-то было.

Она увидела комнату, но не такую, какой та была. Увидела пять человек, и от каждого тянулись тонкие светящиеся нити, уходящие в стены, в окно, в город, дальше. Нити не просто тянулись, они пересекались, цеплялись друг за друга, и там, где встречались две, вспыхивала крошечная точка, и вспыхивало одновременно у многих. Не общий свет, не облако, не «поле». Скорее паутина. А они сидели в ней, как бусины, каждый на своём узле.

Когда последняя песчинка упала, Лена открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится.

Она раздала листки. Они написали каждый своё и сложили на столе в стопку. Игорь, не удержавшись, развернул их по одному.

«Лестница». «Вода». «Свет в окне». «Двери». «Подожди».

Никто ничего не сказал. Лена свой листок сложила вдвое и не стала показывать. На нём было написано одно слово: «Нити».

Души, узлы, нити

— Я вообще-то ничего не имела в виду, — призналась она, поправляя волосы. — Хотела, чтобы мы отдохнули. Но, раз уж так вышло, скажу вслух то, о чём все думают. Эти связанные мурзионы, если смотреть без формул, похожи на души. Не в религиозном смысле, а как устойчивые узоры, которые не исчезают и со временем могут только усложняться и дорисовываться.

— Отпечаток, — тихо сказала Кира. — Что-то, что остаётся от момента.

— И ещё мне показалось, — Лена медлила, подбирая слова, — что мы сидим не просто в комнате. Что каждый из нас узел, а между нами и всеми остальными что-то натянуто. Тонкое.

Игорь поднял голову.

— Узлы и нити. Это граф. Я такое рисую каждую неделю.

— Только в графе нужны веса, — заметил Олег. Он стоял у окна и смотрел на рябину. — Какая нить сильнее, какая слабее. Если ты хочешь мерить, Игорь, надо знать, по чему.

— По совпадению частот, — сказала вдруг Лена, и сама удивилась, откуда взялась эта фраза. — Когда у двух людей нити звучат одинаково, они чувствуют одно и то же, думают похожее. Но я не знаю, откуда это. Просто так видится.

Олег повернулся. По его лицу было видно, что он борется с желанием съязвить, и по тому же лицу было видно, что язва проигрывает.

— Допустим, — произнёс он. — Но если это «душа» или «узел», у неё должна быть структура. Что-то, что можно измерить: повторяемость, устойчивость к шуму, связь с событиями.

Подпись

Игорь не стал спорить. Он редко спорил с красивыми идеями, чаще просто брал их в руки и смотрел, выдержат ли они критику.

— Если это устойчивый узор, у него должна быть подпись, — сказал он, и в голосе зазвучала знакомая интонация человека, уже думающего над решением. Он взял с подоконника блокнот, перевернул чистой стороной и принялся рисовать. — Набор характеристик, по которым можно сказать: это один и тот же сигнал, даже если он появляется в разных местах. Как почерк. Как походка. Первое: устойчивость во времени. Второе: повторяемость структуры. Третье: независимость от места. Если мы меняем прибор, экранирование, город, а форма остаётся, значит, она принадлежит не прибору.

Он нарисовал три колонки, поставил в каждой по короткому слову и протянул листок Олегу. Тот поднёс его к свету, и лицо его смягчилось. Это было не согласие, а облегчение: что-то расплывчатое получило контуры.

— Теперь это можно проверять. Если найдём такие подписи, это уже не метафора, а классификация.

— А классификацию никто не называет метафорой, — улыбнулась Лена.

— Её называют работой.

Две лестницы

К вечеру Игорь пересел за ноутбук и перестал разговаривать. Кира принесла из буфета пирожки с картошкой, Артём задремал на диване, Лена вышла в коридор подышать, и в какой-то момент, когда вокруг стало совсем тихо, Игорь поднял голову и сказал:

— Есть.

Он развернул экран. Все подошли.

На нём лежали два графика: один из недавнего теста, когда Артём спал на кушетке и видел лестницу, второй из синего журнала девятнадцатого года. Игорь наложил их друг на друга, и линии совпали почти полностью. Тот же подъём, та же короткая площадка, тот же плавный спад. Только подписи рядом были разными.

— В первом случае сон Артёма, лестница, голос, — сказал Игорь. — Олег, прочитай второй.

Олег наклонился к архивной записи.

— «Случайное совпадение фраз у двух незнакомых людей в разных городах. Оба независимо произнесли одну и ту же поговорку в одну и ту же минуту». Ни сна, ни лестницы, ни Артёма. Вообще ничего общего.

— Кроме формы, — заметила Кира.

Олег сел на край стола, не заметив, что сел на чьи-то распечатки.

— Один и тот же узор в разных контекстах. Как будто он не привязан к событию. Приходит и уходит, как погода, а событие просто оказывается рядом.

Артём приподнялся на диване и посмотрел на два графика с таким выражением, какое бывает у человека, которому только что рассказали о нём что-то неожиданное и приятное.

— Получается, мой сон не только про меня?

— Получается, твой сон про то, что было до тебя, — мягко ответила Лена, вернувшаяся из коридора. — И, наверное, про то, что будет после.

Где-то далеко капала вода, и в этом звуке не было ничего тревожного, он был уютным, как часы в доме, где все спят.

Рабочая модель

Утром, когда все снова собрались, умытые и немного смущённые ночными разговорами, Игорь коротко записал на доске:

Гипотеза: мурзионы суть устойчивые узоры, обладающие «подписью».

И ниже, мелким почерком, как положено в хорошей науке:

Принято как рабочая модель, не как истина.

Кира долго смотрела на обе строчки, потом достала телефон и сфотографировала доску. «Для истории», сказала она, и никто не стал возражать. Лена налила всем чаю, Артём поставил на стол печенье, и в этот обычный момент, среди звяканья ложек и негромкого смеха, никто не заметил главного: они перестали быть людьми, ищущими объяснение чуду. Они стали людьми, которые собирают наблюдения.

Олег, помешивая чай, подумал, что это, пожалуй, лучшее из всего, что с ними случилось. Души он по-прежнему не принимал, но повторяемость принимал целиком. И сейчас, глядя на лица людей, ставших ему ближе, чем он ожидал, видел: что-то и правда повторяется, настойчиво и терпеливо, словно давно ждало, когда его заметят.

Лена вышла в коридор и достала блокнот. Она давно ничего не записывала просто так, ради себя, и сегодня решила, что пора. Развернула сложенный вдвое листок, на котором было одно слово, и положила его в блокнот между страниц. Потом вывела рядом новое слово, обвела его и несколько секунд смотрела, как оно лежит на бумаге.

Подпись.

И закрыла блокнот, тихо сказав себе то, чего никому бы не сказала вслух: «Кажется, я здесь не случайно».

Глава 8. Перемещение между мирами

Станция

До второго узла добирались почти два дня: сначала поездом, потом попутной машиной по просёлку, где колея была полна талой воды и хрустела по краям тонким утренним льдом.

Станция показалась неожиданно. Дорога повернула, лес расступился, и на пригорке, среди золотых от осени берёз, встало длинное серое здание с узкими окнами и невысокой трубой. Вокруг него, как маленькие часовые, стояли металлические мачты с обрывками проводов на концах. Ветер раскачивал их, и они тихонько звенели, как струны, на которых когда-то играли для кого-то очень далёкого.

— Красиво, — сказала Кира и тут же поправилась: — Нет, правильно. Как будто так и должно быть.

Внутри оказалось тепло, потому что стены были толстые, а окна маленькие, и дом хранил в себе тепло прошлых лет, как старое одеяло. Коридоры пахли железом и сухим деревом. На стенах висели выцветшие таблицы с цифрами и расписания дежурств, а на одном листе кто-то нарисовал синей ручкой смешного человечка в очках. Нижний этаж, куда вела тяжёлая дверь с круглым штурвалом, остался почти герметичным, и воздух там стоял неподвижный, как в закрытой книге.

Олег развернул оборудование на столе в главной комнате и проверил калибровку. Привычными движениями, как человек, который в чужом доме сразу находит выключатель.

Эхо

Лена обошла все комнаты и вернулась с лицом человека, который что-то уловил.

— Здесь эхо, — сказала она. — Не звук, а как будто кто-то говорил в этом доме раньше, и слова не исчезли, а остались висеть, как пар над чашкой.

— Запиши, — отозвался Олег, не поднимая головы. — Потом сравним с данными.

— Уже записала.

Первые часы шли ровно. Приборы нагревались, цифры тянулись колонкой, где-то в глубине здания тихо гудела вентиляция, которую Олег так и не нашёл, сколько ни искал. К вечеру в окнах загорелись красные полосы заката, и Артём, весь день разматывавший кабели, присел на ящик и вытянул ноги.

— Есть, — тихо сказал Игорь. Он вообще не умел радоваться вслух.

На экране поднялся невысокий чёткий всплеск, будто нарисованный тонким пером. Игорь сверил время с дневниками: пусто. Ни снов, ни совпадений. Потом открыл базу, вывел рядом сигналы с холма и из архива, наложил поверх всё, что было, и вдруг замер так резко, что Артём вскинул голову.

— Этот узор мы уже видели.

— Где? — Олег подошёл.

— Не здесь. На холме, в позапрошлую пятницу. И ещё в архиве, девятнадцатого года. — Игорь повернул ноутбук. — Форма та же. Но он не просто повторяется. Он смещается, как будто путешествует.

Путешествующий узор

Лена слезла с подоконника и осторожно, как прикасаются к хрупкому, положила ладонь на край распечатки.

— Если это устойчивый узор и он перемещается между точками, можно сказать, что он «путешествует». Не буквально, а как структура, которая проявляется в параллельных ветках. Сегодня здесь, завтра там.

— Как душа, которая не исчезает, а проявляется в разных отражениях, — задумчиво добавила Кира, опуская камеру.

Олег молчал. Он смотрел на график с выражением человека, которому показали очень красивое доказательство и который ещё не решил, радоваться или проверять.

— Слово «душа» я не люблю, — сказал он наконец. — Но если узор повторяется в разных ветках, нам нужны критерии, как отличить свой от чужого и не принять за узор случайные точки.

— Давайте искать подписи, — предложил Игорь с редкой мальчишеской ноткой в голосе. — Если у двух сигналов одинаковые характеристики, а контексты разные, это один и тот же узор в разных ветках.

— И если найдём достаточно таких пар, — тихо сказала Лена, — сможем нарисовать карту.

— Карту чего? — спросил Артём.

Лена улыбнулась, мечтательно, но не отстранённо.

— Не знаю. Пока просто карту.

Вечер за кашей

Поздно вечером они сидели в главной комнате, и Кира разливала по тарелкам пшённую кашу из термоса. Артём, держа ложку на весу, вдруг сказал:

— Можно я скажу одну вещь? Она давно у меня в голове, но я не знал, где она будет уместна.

— Говори, — отозвался Игорь.

— Помните, как в школе учат: Ньютон придумал дифференциальное исчисление? А Лейбниц, оказывается, придумал его независимо, в то же время, в другой стране. — Артём зачерпнул кашу. — А Дарвин и Уоллес пришли к естественному отбору почти одновременно, не зная друг о друге. Белл и Грей подали заявки на телефон в один и тот же день. Кельвин, Клаузиус и Джоуль шли к одному и тому же закону с трёх разных сторон. Пуанкаре, Гильберт и Эйнштейн шли к близким уравнениям одновременно, в разных городах.

— Множественные открытия, — кивнул Игорь. — Это известный феномен.

— Стандартное объяснение, — продолжил Артём, — общий контекст. Люди учатся по одним книгам, пользуются одними приборами, живут в одном времени, у общества один запрос. Вроде всё понятно. Но есть одно, что мне никогда не давало покоя. Почему совпадает не только сама идея? Почему иногда совпадает форма? Формулировка, образ, даже последовательность шагов.

Кира перестала разливать кашу.

— У нас, — тихо сказала она, — то же самое. Форма совпадает.

— Я думал об этом много лет. Иногда говорят: «Ум не сидит в голове». Я принимал это как красивые слова. Потом читал про такие открытия и думал, может, правда? Но не знал, как это проверить. — Артём помолчал. — А теперь вот сижу здесь. И у меня как будто складывается пазл. Не весь, только углы. Но я вижу, что они подходят друг к другу.

Олег не стал возражать. Он отложил ложку и посмотрел на Артёма так, как смотрят на человека, который неожиданно оказался умнее, чем ты о нём думал.

— То есть ты хочешь сказать, что те, кто совершал открытия одновременно, были связаны не только общим контекстом.

— Я не знаю, — честно ответил Артём. — Но мне хочется это проверить. На нас.

Подвал

Они работали до глубокой ночи. Кира достала из рюкзака пирожки, Артём разложил на подоконнике спальники, и постепенно, незаметно для всех, в старой станции стало уютно. Было что-то трогательное в том, как люди обживают чужое место: ставят чашки, развешивают куртки, находят самую удобную табуретку.

Поздно ночью Игорь нашёл третий сигнал.

Он поймал его случайно, в самых нижних слоях данных, в записях с датчика, установленного Олегом в герметичном подвале, за дверью со штурвалом. Туда никто не спускался уже несколько часов. Там не было ни людей, ни сквозняков, ни звуков. Сигнал был слабым, но чётким, и его подпись совпадала с двумя предыдущими.

— Это в подвале, — сказал Игорь. — Туда вообще никто не заходил.

Олег долго смотрел на экран, перебирая в уме простые объяснения: помехи, наводки, ошибка калибровки. Ни одно не подошло, как не подходит ключ из чужой связки.

— Значит, это не только про людей, — сказал он тихо, почти удивлённо. — Это про структуру. И она может проявляться где угодно.

Никто не отозвался. В этой тишине не было тревоги, только ощущение, что вдруг приоткрылась дверь в очень светлый зал, в который пока не решаешься войти.

Крыша

Артём не мог уснуть. Он лежал на спальнике, слушал, как посапывают остальные, и смотрел на тени мачт на потолке. Потом тихо встал, натянул куртку и пошёл по коридору к железной лестнице на плоскую крышу.

Люк оказался открыт. Ночь над станцией была огромной. Такого неба он давно не видел: чёрного, глубокого, с россыпью звёзд, таких ярких, что хотелось протянуть руку. Внизу темнел лес, и мачты тихо, едва слышно звенели на ветру. Артём сел, прислонившись спиной к трубе, и обхватил колени.

Он подумал о лестнице. О деревянной и скрипучей, по которой кто-то спускался навстречу, и о голосе, который говорил: «Подожди, я сейчас спущусь». Если те, кто делал открытия, были связаны, если сон принадлежал не только ему, то где-то есть дом с такой же лестницей. И, может быть, именно сейчас кто-то стоит на верхней ступеньке и тоже смотрит на звёзды.

— Подожду, — сказал он негромко, не то ночи, не то невидимому человеку на невидимой лестнице.

Сверху, из темноты, упала звезда. Яркая, тихая, без звука. Артём проводил её взглядом и подумал, что никогда ещё не чувствовал себя таким спокойным и таким живым.

В этот момент на самом краю горизонта, там, где небо переходило в тёмную линию леса, на секунду зажёгся огонёк. Один, неяркий, ровный. Потом погас. Артём помахал ему, совсем чуть-чуть, не зная зачем.

Внизу, в окне станции, загорелся тёплый жёлтый свет: кто-то из команды проснулся и поставил чайник.

Глава 9. Что мы открыли

Доска

В лабораторию вернулись в понедельник, под вечер, с рюкзаками, набитыми кабелями и пустыми термосами, и с пакетами жёлтых листьев, которые Кира собирала по дороге и не могла объяснить зачем. Институт встретил их запахом тёплой пыли и ровным жужжанием вентиляторов, и это жужжание показалось каждому почти родным.

На доске всё ещё висели графики и три колонки, которые они выводили мелом несколько недель назад: «земные», «непонятные», «отдалённые». Выше кто-то, кажется Игорь, приписал четвёртое слово и поставил вопросительный знак: «Подписи?»

Олег снял куртку, повесил на спинку стула и остановился посреди комнаты, глядя на доску. Остальные тоже молчали. Так молчат люди, только что вернувшиеся из долгого путешествия и ещё не подобравшие слов для рассказа.

— Мы думали, что ищем связь между людьми, — сказал Олег наконец. — А нашли повторяющиеся структуры, которые, возможно, проявляются в разных ветках реальности.

— И что это значит? — тихо спросила Кира.

Он пожал плечами, просто и честно, без попытки казаться умнее, чем есть.

— Что нужны новые слова. И новые методы. Старых больше не хватает.

Пять ответов

Чайник закипел, как обычно, с задержкой, когда о нём уже забыли. Игорь достал из шкафа жестяную коробку с печеньем, которую берёг на особый случай, и по негласному согласию этот понедельник стал особым. Они сели вокруг большого стола, на котором ещё лежали распечатки, и первой заговорила Лена.

— Для меня это про связь. Что мы не одни, даже если это просто повторяющиеся узоры. Люди приходят ко мне с чувством, что их никто не слышит. И вот оказывается, что слышат. Не обязательно те, от кого они ждали, но слышат.

О себе она не добавила ничего, как всегда. Но Кира заметила, что рука у неё, лежавшая на столе, слегка дрожит, как дрожит у человека, много лет нёсшего что-то и вдруг поставившего это на пол.

— А для меня это про устройство, — сказал Игорь, наконец решившись съесть печенье. — Что мир упорядочен глубже, чем кажется, и одни узоры могут повторяться в разных местах. Всю жизнь я смотрел на груду деталей и ждал, что кто-нибудь подскажет, как они складываются. А тут вдруг сошлось.

— Для меня про историю, — сказала Кира. — Которую можно рассказать так, чтобы её поняли даже те, кто не любит физику. Без страха, без магии. Нужны слова, которые приглашают, а не пугают. Но рассказывать я её буду только тогда, когда сама пойму.

— А для меня про лестницу, — засмеялся Артём. — Про лестницу и про множественные открытия. Что кто-то где-то спускается мне навстречу, а я его пока не вижу. И что люди, наверное, не изобретают, а как будто улавливают то, что уже звучит.

Олег слушал по очереди, как умел слушать приборы, которые не умеют говорить, но умеют быть честными. Когда последний голос затих, он обвёл взглядом лица за столом.

— А для меня про данные. Пока у нас есть только они, и они говорят, что есть что-то устойчивое, что повторяется. Но я понял другое. Данные это не всё. С вами интереснее.

Никто не стал шутить.

Источник глубже

Телефон Артёма пискнул, когда чай был почти допит.

Он достал его, прочитал и замер. Олег подошёл, и они прочли вместе:

«Вы видите только отражение. Источник глубже и ближе одновременно».

Узел_01. Всё те же слова, без подписи. Олег открыл ноутбук и проверял, не торопясь, как всегда, сверяя и перепроверяя, пока остальные молча собирались вокруг.

— Из третьего города, — сказал он наконец. — Там тоже был научный объект, старый, давно закрытый. Судя по документам, ещё до обсерватории.

Игорь достал бумажную карту с булавками и нитками, нашёл нужную точку и воткнул ещё одну булавку, жёлтую. Нитка потянулась от неё ко всем остальным и вдруг превратила хаотичную сеть в нечто узнаваемое, почти симметричное.

— Это уже не случайность.

— Это закономерность, — поправила Лена.

Артём смотрел на экран телефона и думал о том, что у этих сообщений есть странное свойство: они приходят как раз в тот момент, когда им хочется прийти. Не раньше и не позже. Он ещё не знал, хорошо ли это, но ему, как ни странно, было спокойно. Тот, кто писал, явно желал им добра, хотя и не торопился объяснять, откуда знает дорогу.

— Поедем, — сказал Олег. — Если там есть ещё один узел, мы должны его проверить.

Никто не спросил когда или зачем. Они просто начали собираться, как люди, которые давно знают, что делать дальше.

Журнал

Позже, когда остальные разошлись по домам и в лаборатории осталась гореть одна настольная лампа, Олег достал из ящика жёлтую тетрадь с распухшими страницами. Нашёл чистый лист, немного подержал над ним ручку и написал ровным неторопливым почерком, которым всю жизнь вёл протоколы:

Гипотеза: существуют устойчивые узоры («мурзионы»), которые могут проявляться в разных ветках реальности и разных местах пространства.

Цель: найти способ их классифицировать и измерить.

Методы: поиск подписей, сравнение архивов, проверка узлов.

Подумал и приписал ниже ещё строчку, не для протокола, а для себя:

Смотреть внимательно. Не торопиться.

Потом поставил дату.

Он всё ещё не знал, что это такое: душа, мурзион или просто неизвестный физический эффект, у которого пока нет объяснения. Но данные, как оказалось, умеют быть не только точными, но и добрыми. Они вели вперёд, ничего не обещая и не отнимая надежды.

Олег закрыл тетрадь, выключил лампу и вышел в коридор. В окне напротив, на другой стороне двора, горел свет. Кто-то ещё не спал: студент над конспектом или профессор над рукописью. А может быть, совсем другой человек в совсем другой ветке, у такого же окна.

Он поднял руку, совсем чуть-чуть, как машут из поезда незнакомым людям на перроне.

Свет в окне напротив мигнул.

Олег улыбнулся и пошёл домой.

Глава 10. Третий узел

Городок, где рано гаснут окна

Городок назывался Ясный Ключ, и в нём действительно всё было ясным: прямые улицы, низкие дома, речка, которую можно было перейти по трём деревянным мостикам, не замочив ног. Поезд привёз их под вечер, и первое, что они услышали, ступив на перрон, была тишина. Не пустая, а мягкая, как будто город только что выдохнул и ещё не решил, пришло ли время вдыхать снова.

Снег здесь уже лежал. Не тот, что бывает в начале ноября, тонкий и сомневающийся, а настоящий, густой, с чистым скрипом под ботинками. Кира сразу достала камеру. Артём наступил в сугроб по колено и рассмеялся. Игорь шёл последним и считал фонари: через каждые тридцать шагов один, ровно и без пропусков. Олег остановился на мосту и сделал кадр: узкая речка подо льдом, низкие дома и в каждом окне горит свет, как будто город сидит за одним большим столом.

Объект стоял на окраине, у кромки леса. Когда-то он числился гелиофизической станцией, самой первой из трёх, построенной ещё до обсерватории, и теперь, в зимних сумерках, выглядел как большой серый дом с очень важным видом. Ключи хранила смотрительница, которая жила в соседнем доме и ждала их.

— Нина Ивановна, — представилась она так, словно её имя было паролем. — Проходите, чайник горячий.

Чайник действительно был горячим. В кухне пахло сушёным зверобоем и печёными яблоками, в углу тикали ходики с нарисованной кукушкой, у которой давно не было голоса. На печи, свернувшись, лежал абсолютно чёрный кот, такой чёрный, что в тусклом свете он казался дыркой в темноте или даже чёрной дырой. Нина Ивановна разлила чай по толстым кружкам, поставила на стол печеные яблоки и села напротив.

— Давно никого не было, — сказала она. — Лет пять, наверное, как приезжали последние. Всё время чувствовала, что кто-нибудь да приедет.

— Почему? — спросила Лена тихо.

— Не знаю. — Нина Ивановна пожала плечами, просто, как говорят о погоде. — Дом такой. Любит, когда в нём кто-то есть.

Кот на печи открыл глаза. В полутьме они вспыхнули глубоким фиолетовым светом, не зелёным, как у других кошек, а таким, каким бывает вечернее небо за минуту до ночи. Артём замер с ложкой в руке.

— Это Платон, — сказала Нина Ивановна, не оборачиваясь. — Он у меня особенный. Пришёл сам, лет шесть назад. Когда ночью теряется, я по глазам его узнаю издалека, ни с кем не спутаешь, только него таким цветом светятся глаза в темноте.

Платон потянулся и снова закрыл глаза. Олег посмотрел на кота, потом на Нину Ивановну и решил, что заниматься сейчас физикой фиолетовых глаз не будет. Он взял второе печеное яблоко.

— А вы кому-нибудь говорили, что едете? — вдруг спросила хозяйка.

— Нет, — ответила Кира. — Только своим.

— Правильно, — кивнула Нина Ивановна.

Дом с колодцем

Утром, когда небо стало прозрачно-голубым, как будто его вымыли, они вошли на станцию.

Она оказалась меньше, чем ожидалось, но устроена умнее: длинный коридор, по обе стороны комнаты с высокими потолками, а в конце железная лестница вниз, в подземный зал. Олег прошёл по всем помещениям, постукивая костяшками по стенам и прислушиваясь к ответному звуку, как врач, выслушивающий грудную клетку. Потом присел на корточки и провёл ладонью по полу.

— Хорошая экранировка. Лучше, чем у нас в институте. Те, кто это строил, понимали, чего хотят.

— А чего они хотели? — спросил Артём.

— Тишины, — ответил Олег. — Очень глубокой тишины и не только от звуков.

Они разложили оборудование в подземном зале. Кира расставила свет, Игорь развернул ноутбуки и принялся подписывать кабели маленькими бумажными флажками, а Лена обошла зал по периметру, не касаясь стен, и остановилась в центре, подняв лицо к потолку.

— Тут как в колодце, — сказала она. — Только вместо воды тишина. Может, стоит назвать это место «Колодцем».

Игорь подумал и написал на первом флажке: «Колодец».

К обеду всё было готово. Олег проверил калибровку трижды, потом ещё раз, по привычке, и сказал:

— Сегодня ничего не трогаем. Только фон. Сутки записи тишины, чтобы знать, какая она на самом деле. Потом будем что-то делать.

— Сутки, — повторил Игорь с видом человека, получившего долгожданный подарок.

Сутки тишины

Это были странные и очень хорошие сутки.

Ничего не происходило. Приборы мигали ровно и мирно, цифры ложились в колонки, как зерно в мешки. Кира дремала в углу на сложенном пледе, Игорь читал книгу по теории чисел, которую привёз с собой «на всякий случай», Артём решал задачи по физике, и ему даже нравилось, что рядом не было ничего, кроме тишины, чая и маленькой лампы.

Лена вела записи. Она приходила в зал и уходила, возвращалась с кружками, сидела молча и писала несколько строк, потом закрывала блокнот. Один раз Олег поймал её взгляд на себе и спросил:

— Что?

— Ничего, — улыбнулась она. — Просто приятно смотреть, как человек работает с полным погружением в процесс.

Он промолчал, но через минуту поймал себя на том, что повторяет в уме эту фразу.

Вечером пришла Нина Ивановна, принесла кастрюлю картошки в мундире и завёрнутый в полотенце пирог с капустой. С ней, бесшумно, как тень, вошёл Платон, прошёл по кабелям, не задев ни одного, и сел в углу, глядя на мигающие огоньки. Все сидели на ящиках, ели прямо руками, макали картошку в крупную соль, и никому не казалось это странным.

— А вы чего ищете-то? — спросила Нина Ивановна, помолчав.

Все переглянулись. Игорь открыл рот, но Лена опередила:

— Не знаем, Нина Ивановна. Мы слушаем и пытаемся понять, есть ли у сигналов связь.

Смотрительница покивала так, как кивают люди, услышавшие хороший ответ на хороший вопрос.

— Он скажет, — сказала она. — Только вы его не торопите.

Она ушла в сумерки с пустой кастрюлей. Платон остался. Он лежал в углу, и в этот момент «Колодец» вдруг показался Артёму не подземельем, а ночным храмом, куда кто-то привёл кота. Они ещё долго сидели молча.

Контрольный прогон

На следующее утро, ровно через сутки после начала записи, Олег собрал всех у экрана.

— Фон чистый, — сказал он. — Почти идеальный. Для сравнения лучше не придумать.

Игорь кивнул, Кира подняла камеру, Артём сел на ящик, а Лена встала рядом с Олегом, не мешая и не отходя.

— Теперь второй этап, — продолжил он. — Я буду подавать короткие импульсы. Просто в линию, без смысла. Своего рода вопросы: «есть ли кто-то?» Если сеть существует и реагирует на что-то, кроме людей, мы это увидим.

— Ты называешь это вопросами, — заметил Игорь.

— Я называю это импульсами, — поправил Олег. — «Вопросами» их называете вы.

Он положил ладонь на пульт. Ладонь была спокойной и тёплой, и никто в зале не знал, что именно в эту минуту, в тишине, на глубине нескольких метров под землёй, всё уже было готово.

Олег нажал первую кнопку.

Где-то наверху, в избе Нины Ивановны, Платон поднял голову, а смотрительница, моя чашки, остановилась с полотенцем в руках и вдруг, не зная зачем, поставила на подоконник зажжённую лампу.

Глава 11. Он будто ждал

Три коротких

Первый импульс ушёл в линию тихо, как капля падает в колодец. Три коротких щелчка: пауза, пауза, пауза. Олег подал их без всякого смысла, просто чтобы посмотреть, как отзовётся тишина, и убрал палец с кнопки.

На экране ничего не изменилось.

Он выдохнул, чуть слышно, и в этот самый миг линия на мониторе дрогнула. Не рябью и не мягким пиком, к которым они привыкли, а чёткой, собранной вспышкой, будто кто-то в глубине зала ответил, не дожидаясь, пока договорят.

Три коротких всплеска. Пауза.

В «Колодце» стало совсем тихо. Игорь замер с поднятой рукой над клавиатурой. Кира, не опуская камеры, шагнула ближе. Артём перестал дышать.

— Это эхо, — произнёс Олег ровно. — Наверняка.

Он сам это знал, поэтому не стал выдавать за факт.

Проверка, которую никто не любит

Эхо проверяют так: считают, сколько времени сигналу нужно, чтобы дойти до стены и вернуться. Игорь достал рулетку и вместе с Артёмом прошёл по всем кабелям, записывая длины. Потом сел за расчёты, и по тому, как он морщился и пересчитывал, всем стало ясно, что результат ему не нравится.

— Если бы это было эхо, ответ пришёл бы не раньше чем через двенадцать микросекунд, — сказал он. — А пришёл через ноль. Даже меньше, чем может отдать наш собственный генератор.

— Наводка? — спросил Олег.

— Я отключил генератор от линии минуту назад, на всякий случай. Ты не заметил.

Олег посмотрел на него с уважением, как смотрят на коллегу, который сделал за тебя то, о чём ты ещё не успел подумать.

Дальше было то, что Олег умел лучше всего: терпеливо проверять. Он менял форму импульса: сначала два длинных, потом короткий и длинный, потом сложный, неровный, с резким хвостом, какой нарочно не повторяется в природе. Ответ приходил каждый раз. Повторял форму, но не копировал её, а как будто пересказывал: с точностью до фазы, чуть смещённый на одну и ту же долю периода. Как человек, который вежливо возвращает фразу собеседника, чтобы показать: я слышу.

К вечеру Игорь собрал данные в одну таблицу и положил рядом с остальными.

— Это не эхо и не наводка, — сказал он. — Это не артефакт. Я ничего не могу придумать, что можно было бы на это списать.

«Будто ждал»

В «Колодце» было тихо. Кира перестала снимать, Артём сидел на ящике, Игорь молча крутил в пальцах карандаш. Олег стоял у пульта и смотрел на последнюю кривую, и на лице его читалось что-то, чего остальные никогда раньше не видели: не недоверие и не восторг, а честная растерянность.

Лена подошла к экрану и долго смотрела, не говоря ни слова. Потом тихо, почти шёпотом, сказала:

— Он будто ждал.

Олег повернул голову.

— Кто?

— Не знаю. Просто так выглядит. Ответ пришёл не потому, что мы спросили. А как будто он был готов заранее, и мы только вовремя подошли.

Игорь хотел что-то возразить, но не нашёл слов. Олег смотрел на график, потом на Лену, потом снова на график.

— Если это не артефакт, — произнёс он медленно, — значит, мы не просто наблюдатели.

Фразу, которую остальные ждали услышать в последнюю очередь, он сказал без нажима, как сухой факт. Но от этого она прозвучала только громче.

— Мы участники, — тихо закончила Кира.

— Давайте пока не будем называть, — попросил Олег. — Дайте хотя бы неделю на то, чтобы проверить ещё раз.

Они согласились. Но все знали: проверка проверкой, а слово уже прозвучало и теперь будет жить само по себе, как щенок, которого принесли «на пару дней».

Чай у Нины Ивановны

Вечером они пошли к смотрительнице. Не потому что хотели есть, а потому что в «Колодце» вдруг стало слишком много мыслей, и всем захотелось сменить обстановку.

Нина Ивановна встретила их на пороге, будто ждала.

— Ну что, — сказала она, пропуская гостей, — дом заговорил?

— Откуда вы знаете? — удивился Артём.

— Лампа на окошке. — Она кивнула на подоконник, где горела маленькая керосиновая лампа с чистым стеклом. — Я её сегодня утром поставила, ближе к полудню. Не знаю почему. Рука сама.

Олег посмотрел на лампу, потом на часы на стене. Первый импульс он отправил в одиннадцать двадцать. Нина Ивановна, по её словам, поставила лампу ближе к полудню, а часы у неё на стене отставали минут на пять.

Он ничего не сказал. Нина Ивановна разлила чай, поставила на стол блюдце с вареньем и села рядом. Платон вспрыгнул на подоконник рядом с лампой и устроился спать.

— Вы не пугайтесь, — сказала она негромко. — Дом хороший. Он ничего плохого не сделает. Он просто любит, когда ему отвечают.

— Мы отвечаем, — тихо ответила Лена. — Мы только учимся говорить.

Нина Ивановна улыбнулась.

— Так и бывает, — сказала она.

Кира, у которой вопрос вертелся с самого приезда, наконец решилась:

— Нина Ивановна, а почему вы тогда спросили, говорили ли мы кому-то, куда едем?

— Я вам скажу, как я понимаю, а вы уж сами рассудите. Всякое дело, пока оно только задумано, это половина нити. Одним концом ты уже держишь, а другой ещё не дотянут. Если ты в этот момент начнёшь рассказывать людям, они, не со зла, а потому что люди, начнут свои мысли добавлять и всё изменится. Один посоветует, другой испугается, третий скажет, что сам так делал. И нить срастётся не с тем концом, к которому ты шёл, потому что дело уже не твоё, а наполовину чужое.

— Но не всегда же так, — осторожно заметил Игорь.

— Не всегда, — согласилась Нина Ивановна. — Бывает идея крепкая. Где всё, что ещё не сделано, уже заранее продумано до последней мелочи. Такую нить хоть всем рассказывай, она не боится и будет соединит только то что задумано. А вот недоношенную, не доделанную, лучше держать при себе.

Кира тихо рассмеялась и вспомнила разговор с коллегой, и то, как её история обросла чужими выводами.

— Я это на себе проверила, — сказала она.

— Вот и хорошо, — кивнула Нина Ивановна. — Значит, понимаете правильно.

Снег

Вечером выпал снег, густой и беззвучный, и городок накрылся им, как одеялом. Артём вышел на крыльцо подышать. Следом за ним, без звука, вышел Платон, сел рядом, с видом человека, принимающего важные решения, всё обдумав, пошёл по своим делам.

Артём думал о том, как приятно сидеть на тёплом крыльце, когда на улице идёт снег. Он думал, что, может быть, и вся эта история, со всеми её графиками и подписями, придумана для того, чтобы однажды вот так сидеть и никуда не торопиться.

И в этот момент в кармане мигнуло сообщение.

Он достал телефон. Прочитал. Потом убрал, не отвечая.

— Говорит, что спасибо, — сказал он вслух, сам не понимая, к чему это.

А сообщение, оставшееся на экране выключенного телефона, было всего из двух слов: *«Спасибо, что ответили».*

Глава 12. Совпадение без времени

Случайный хвост

О том, что на последнем импульсе Олег выбрал форму не сам, знал только он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.